

COLLOQUIA RUSSICA

Series I, vol. 4

RURIKIDS IN DYNASTIC RELATIONS: POLITICS, CUSTOMS, CULTURE, RELIGION (10TH–16TH C.)

Publication after 4th
International Conference,
Mogilno, 14–16th November, 2013

Editor:
Vitaliy Nagirnyy

Krakow 2014

Editorial board:

Viktor Adamovič (Brno), Dariusz Dąbrowski (Bydgoszcz), Vytas Jankauskas (Kaunas),
Joanna Mendyk (Krakow), Adam Mesiarkin (Bratislava), Vitaliy Nagirnyy (Krakow) – editor,
Myroslav Voloshchuk (Ivano-Frankivsk), Barbara Żurek (Krakow) – editorial assistant.

Advisers:

Prof. Leontiy Voytovych (Lviv), PhD Norbet Mika (Racibórz)

Revision, translation and stenographic recording:

Paweł Glinka, Magda Arsenicz, Magdalena Frączek, Monika Kamińska,
Joanna Mendyk, Halina Poslavska, Andriy Stasiuk.

Desktop publishing:

Barbara Żurek

Cover design:

Barbara Żurek

On cover:

front page:

„Prince Yaroslav the Wise’s family”, fresco from Saint Sophia’s Cathedral in Kyiv

last page:

„Rurikids’ dynastic connections in second half of 11th c.” by Stsiapan Tsemushau.

Editorial board might not share contributors views and their opinions are not to be identified
with Editorial board’s outlook.

Copying and reprinting without written permission from the Editorial board is forbidden.

© Copyright by the Jagiellonian University

Krakow 2014

ISSN 2353–219X

Editorial board:

Zakład Historii Europy Wschodniej, Instytut Historii,
Uniwersytet Jagielloński, ul. Gołębia 13, p. 303, 31–007 Kraków

ontents

PREFACE	13
PRZEDMOWA	16
ПРЕДИСЛОВИЕ	19
The list of the participants of the conference	23
The welcoming speech of the director of the Chair of Ruthenian Research Kazimierz Wielki University prof. Dariusz Dąbrowski	25
The welcoming speech by the President of the Students' of History Scientific Association at the Jagiellonian University Joanna Mendyk	28
CHAPTER I: STUDIES	
Adam Mesiarkin, <i>Od kiedy Czech, Lech i Rusztali się braćmi?</i>	33
Елена Тянина, <i>Инокультурные дохристианские традиции в духовной культуре средневекового Новгорода (по археологическим данным)</i>	39
Łukasz Fabia, <i>Gest i rytuał w spotkaniach władców polskich i ruskich w najstarszej historiografii Polski i Rusi</i>	51
Norbert Delestowicz, <i>Okoliczności pobytu Izjaława Jarosławowicza na dworze króla niemieckiego Henryka IV w latach 1074–1077</i>	61
Назарий Христан, <i>Была ли Феофано Музалон женой князя Олега Святославовича?</i>	74
Zofia Brzozowska, <i>Antyczne i bizantyńskie reminiscencje w ruskiej myśli politycznej na początku XII w. w świetle pism metropolity kijowskiego Nikefora I</i>	80
Антон Левицкий, <i>Происхождение городских князей</i>	91
Viktor Adamovič, <i>Dynastic relationships between Rurikids and Přemyslids: the marriages real and unproven – on the example of the marriage between Vratislav of Brno and his Ruthenian wife</i>	100

Michał Michalski, <i>Powiązania rodzinne i relacje Andrzeja Włodzimierzowicza Dobrego z Połowcami</i>	106
Aneta Gołębiowska–Tobiasz, <i>Kontakty połowieckiej arystokracji rodowej z Rurykowiczami w świetle źródeł archeologicznych</i>	116
Anna Madej, <i>Co pito na ruskich dworach książęcych w X–XII w.?</i>	136
Мирослав Волощук, <i>Rutheni in Polonia XI–XIII wv.: краткие очерки проблемы</i>	143
Анна Литвина, <i>К уточнению семантики древнерусского „свататися”/ „сватитися” и „сват(ь)ство”</i>	154
Степан Темушев, <i>Рюрик Ростиславович на черниговском престоле: реальный политический компромисс или ошибка летописца?</i>	163
Wojciech Sawicki, <i>Książęta ruscy na kartach Kroniki Henryka Łotysza</i>	176
Йитка Комендова, <i>Опавский поход Даниила Романовича: чешский взгляд</i>	185
Андрей Стасюк, <i>Доминиканцы и францисканцы на страницах Галицко-Волынской летописи</i>	193
Marcin Grala, <i>Książę-mnich. Wizerunek świętego władcy prawosławnego na przykładzie Michała Aleksandrowicza</i>	199
Ona Orlovaitė, <i>Reflections of Helena Ivanovna Life in the Account Books of Alexander Jagiellon court</i>	209
Полина Скурко, <i>Андрей Курбский и Константин Острожский: общность интересов и разница мироощущений (пример дружбы князей-интеллектуалов XVI в.)</i>	215
Olga Moroz, <i>Obyczaje religijne Moskwićów w świetle Rerum Moscoviticarum Comentarii Siegmunda von Herbersteina</i>	225
Gabriela Frischke, <i>Księżna kijowska Olga w oczach szesnastowiecznych kronikarzy polskich</i>	232

CHAPTER II: LECTURES

Prof. Fiodor Uspienskiy, <i>Closely marriages in the Rurikids dynasty of the pre-Mongol period</i>	241
Prof. Djura Hardi, <i>Who was dux Galiciae for Hungary after the conclusion of peace between Arpads and Romanovichs in Zvolen in 1246?</i>	252
Prof. Jan Tęgowski, <i>Family connections between Rurikids and Gediminids in the 14th c.</i>	265

CHAPTER III: DEBATES

- Debate I: *Rurikids as a family – social aspects of dynasty functioning*, the round table discussion with prof. Fiodor Uspenskiy and prof. Dariusz Dąbrowski 277
- Debate II: *Rurikids in Grand Duchy of Lithuania*, the round table discussion with prof. Jarosław Nikodem and prof. Jan Tęgowski 293

CHAPTER IV: LITERATURE REVIEW

- Dariusz Dąbrowski, *Daniel Romanowicz (ok. 1201–1264). Biografia polityczna*, Kraków: Avalon 2012, 538 s. (Seria: *Monografie Pracowni nad Dziejami Rusi Uniwersytetu Kazimierza Wielkiego w Bydgoszczy*, t. 1) [Дариуш Домбровский, *Даниил Романович, король Руси (ок. 1201–1264). Политическая биография*, Краков: Авалон 2012, 538 с. (Серия: *Монографии Центра исследований средневековой Руси Университета Казимира Великого в Быдгощи*, т. 1)] – *Виталий Нагирный* 305
- Adrian Jusupović, *Elity ziemi halickiej i wołyńskiej w czasach Romanowiczów (1205–1269). Studium prozopograficzne*, Kraków: Avalon, 2013, 352 s. (Seria: *Monografie Pracowni nad Dziejami Rusi Uniwersytetu Kazimierza Wielkiego w Bydgoszczy*, t. 2) [Адриан Юсупович, *Элиты галицкой и вольнской земель во времена Романовичей (1205–1269). Просопографические студии*, Краков: Авалон, 2013, 352 с. (Серия: *Монографии Центра исследований истории Руси Университета Казимира Великого в Быдгощи*, т. 2)] – *Виталий Нагирный* 307
- Ярослав Пилипчук, *Етнополітичний розвиток Дашт-і-Кипчак у IX–XIII ст.*, Київ: Видавництво Інституту сходознавства НАН України 2013, 288 с. [Jaroslav Pylypchuk, *Rozwój etnopolityczny Deszt-i-Kipczak w IX–XIII w.*, Kijów: Wudawnictwo Instytutu Shodoznawstva NAN Ukrainy 2013, 288 s.] – *Aneta Gołębiowska-Tobiasz* 307
- Jerzy Sperka, *Władysław, książę opolski, wieluniński, kujawski, dobrzyński, Pan Rusi, Palatyn Węgier i Namieśtnik Polski : (1326/1330 – 8 lub 18 maja 1401)*, Kraków: Avalon, 2012, 508 s. [Ежи Сперка, *Владислав, князь опольский, велуньский, куявский, добжинский, пан Руси, палатин Венгрии и наместник Польши: (1326/1330 – 8 или 18 мая 1401)*, Краков: Авалон, 2012, 508 с.] – *Vytas Jankauskas* 309
- Jarosław Nikodem, *Witold. Wielki książę litewski (1354 lub 1355 – 27 października 1430)*, Kraków: Avalon, 512 s. [Ярослав Никодем, *Витовт. Великий литовский князь (1254 или 1355 – 27 октября 1430)*, Краков: Авалон, 512 с.] – *Vytas Jankauskas* 312

<p><i>Княжа доба: історія і культура</i>, [відп. ред. Володимир Александрович]; Національна академія наук України, Інститут українознавства ім. І. Крип'якевича, Львів 2013, вип. 7, 328 с. [<i>The Princely Epoch: History and Cul-</i> <i>ture</i>, [ed. Volodymyr Aleksandrovych]; National Academy of Sciences of Ukraine, Ivan Kryp'iakevych Institute of Ukrainian Studies, Lviv, 2013, Vol. 7, 328 p.] – <i>Viktor Adamovič</i></p>	314
<p><i>Студентські Історичні Зошити</i>, вип. 4, Івано-Франківськ, 2013, 183 с. [<i>Studenckie Historyczne Zeszyty</i>, т. 4, Івано-Франківськ 2013, 183 s.] – <i>Magdalena</i> <i>Frączek</i></p>	316
<p>Information about authores</p>	319

Мирослав Волощук
(Ивано-Франковск)

RUTHENI IN POLONIA XI–XIII BB.: КРАТКИЕ ОЧЕРКИ ПРОБЛЕМЫ

Настоящее исследование посвящено поиску информации о русских поселенцах на территории средневековой Польши. Автор выделил несколько направлений, по которым можно определить факты смены места жительства. Среди наиболее распространенных – заключение браков между Пястами и Рюриковичами и между знатью обеих стран. Известны также случаи церковного служения выходцев из Руси в польской католической иерархии. Немало было и русских пленных, компактно расселенных в Польше. В целом, работа намечает главные исследовательские проблемы в данном направлении и при изучении феномена „истории Руси за границами Руси”.

Изучение средневековых миграционных процессов, длительное время находившихся на маргинеся исторических студий, сегодня существенно актуализировалось. Открывшиеся возможности свободного перемещения по странам Европы, доступа к архивам и библиотекам позволяют находить и вводить в научный оборот не известные раньше источники, а также кардинально переосмыслить не только тенденции переселения представителей различных слоев населения, но и вопросы их идентификации, как на коллективном, так и на индивидуальном уровне. Нам удалось некоторым образом отобразить это на примере русских поселенцев Венгерского королевства XI – второй половины XIV вв. Нельзя однозначно назвать проблему закрытой, ибо тех поселенцев, которых можно уверенно идентифицировать русскими, оказалось не так много. Из нескольких десятков персон треть упоминалась как *Ruthenus*, треть – *dictus Orrus*, остальные названы именами, вероятно, русского происхождения (*Huruz, Oroz, Rusinna* и др.)¹. Часть изучаемых вельмож вообще не пользовались „русской” персонификацией, однако летописи подтверждали их тесные связи с венгерской знатью, длительное проживание во владениях Арпадов.

¹ См.: М. Волощук, „Русь” в Угорському королівстві (XI – друга половина XIV ст.): суспільно-політична роль, майнові стосунки, міграції, відп. ред. Л. Войтович, Івано-Франківськ 2014.

„Призакрив” отчасти исследование венгерского направления миграционных процессов наших предков, наиболее интересным для нас выглядело „польское продолжение” темы. Учитывая колоссальную интенсивность двусторонних браков Пястов и Рюриковичей в домонгольский период, казалось, на первый взгляд, придется иметь дело с множеством характерных упоминаний. Тем более, что польские источники (хроники Галла Анонима и Винцентия Кадлубка, *Великопольская хроника*, позднесредневековая компиляция Яна Длугоша, множество анналов и др.), в отличие от венгерских, гораздо красочнее и полноценнее отображают польско-русские взаимоотношения. Сразу видно – для польской знати это было одним из важных направлений внешней политики.

Но использование тех же методик, что и при поисках русских поселенцев Венгрии, на практике оказалось недостаточным. в нашем случае интригу составляют довольно таки эпизодичные, на первый взгляд, упоминания о русских в Польше XI–XIII вв. Вероятность большого количества находок в источниках разочаровала. Сказалась скудность актового материала, которого в сравнении с венгерским куда меньше. Именно дипломы оставались ключевым источником, где можно было найти нужную персону, реконструировать ее семейное положение, найти ближних и дальних родственников, учесть размер недвижимого имущества, понять связи с местным нобилитетом, выяснить обязанности и др. Польские канцелярии о таковых личностях говорят очень мало и очень кратко. Как же тогда можно совместить большое количество обоюдных междинастических браков и браков между представителями польской и русской знати с настолько фрагментарными воспоминаниями о русских на службе в Пястов?

Проведя необходимую работу по изучению проблем миграции, проживания, участия „руси” в жизни Венгерского королевства XI – второй половины XIV вв., можно с уверенностью говорить, что масштабы переселения из владений Рюриковичей в Польшу носили иной характер. Речь идет даже не о значительно меньшем количестве известных на сегодня источников, упоминающих об этом. Мы считаем, что имеет место разная идентификация поселенцев.

Население Польши, Чехии, Руси, славянских владений Венгрии, по словам францисканских миссионеров XIII в., разговаривало на почти идентичном языке². При женитьбе, дипломатических переговорах, банкетах не было проблем во взаимопонимании. Именослов также часто был славянским, даже с учетом использования крестильных имен, одинаково обязательных во всех названных странах. Различать происхождение людей или их занятие в таких случаях легко по использованию предиката, например, *Ruthenus, Polonus, Bohemus, Hungarus* и др. Но, каким образом можно идентифицировать русского поселенца во владениях Пястов при отсутствии такового?

² Об этом существует немало свидетельств, происходивших из среды францисканских монахов-миссионеров. См.: А. Стасюк, *Russia/Ruthenia на сторінках францисканських джезел XIII ст.*, [in:] *Principalities in lands of Galicia and Volhynia in international relations in the 11th–14th centuries. Publication after 2nd International Conference, Ivano-Frankivsk, 20–22nd October 2011*, ed. V. Nagirny, Krakow 2012, с. 109 [*Colloquia Russica, Series I*, vol. 1].

Вероятно, мы имеем дело с не до конца последовательным и четким определением понятия *Ruthenus* польскими канцеляристами и хронистами. Скорее всего, его не вписывали в совершенно очевидных, не требующих дополнительной персонификации, случаях. Так могло быть при замужестве русской княжны и переезде вместе с ней ее двора в Польшу. Возможно также не всех прибывших из Руси поляки считали русскими. Восприятие соседних земель, не всегда контролируемых только Рюриковичами, могло быть разным, тем более, что с X в. так называемые „Червенские грады” оставались довольно спорной приграничной территорией, часто переходившей из рук в руки. Похожие процессы имели место в Галицкой земле, перманентно управлявшейся в конце XII – первой трети XIII вв. представителями Арпадов. Вряд ли население этих территорий ощущало стабильную этническую либо какую-то другую идентичность. Довольно часто именно польско-русский *confinium* оставался предметом военных споров. Дочери местных князей чаще других выходили замуж за польских князей именно с конца XII в. и в XIII в. Соответственно „классической” Русью (летописная „Русская земля”) считались только Киевская, Черниговская и Переяславская земли³.

В целом особенности переселения русских в Польшу можно систематизировать, по нашему мнению, следующим образом.

Безусловно, переселения жителей русских княжеств в польские земли являются доказанным фактом. Свидетельство этого – активная междинастическая матримониальная практика, насчитывающая на протяжении XI–XIII вв. несколько десятков браков. Из них, по нашим подсчетам, опиравшимся на работы Освальда Бальцера⁴, Владимира Пашуто⁵, Казимежа Ясиньского⁶, Дариуша Домбровского⁷, Леонтия Войтовича⁸, Яна Тенговского⁹ и др., как минимум в шестнадцати случаях мог иметь место переезд в Польшу, вместе с княжной, и ее двора, состоявшего из русских¹⁰.

Перечислим наиболее известные случаи польско-русских династических связей. Среди таковых примеров XI в. – конкубинат Болеслава Храброго (*Boleslaus*, †1025) с дочерью киевского князя Владимира Святославовича (†1015) Пред-

³ См. например: А. Насонов, „Русская земля” и образование территории Древнерусского государства: историко-географическое исследование. Монголы и Русь: история татарской политики на Руси, Санкт-Петербург 2002, с. 28, 33.

⁴ O. Balzer, *Genealogia Piastów*, Kraków 2005, s. 87–89, 160–165, 218–220, 241–242, 281–285, 292–296, 462–465, 505–506, 581–583, 602–613, 759–760 и др.

⁵ В. Пашуто, *Внешняя политика Древней Руси*, Москва 1968, с. 37, 46, 153, 157, 160 и др.

⁶ K. Jasiński, *Rodowód pierwszych Piastów*, Poznań 2004, s. 89, 131–133, 188–189, 228–229, 240–242 i in.; Idem, *Rodowód Piastów śląskich. Piastowie wrocławscy, legnicko-brzescy, świdniccy, ziębiccy, głodowscy, żagańscy, oleśniccy, opolscy, cieszyńscy i oświęcimscy*, Kraków 2007, s. 63, 518 i in.; Idem, *Rodowód pierwszych Piastów*, Poznań 2004, s. 89, 131–133, 188–189, 228–229, 240–242 i in.

⁷ D. Dąbrowski, *Rodowód Romanowiczów książąt halicko-wołyńskich*, Poznań-Wrocław 2002, s. 139–147, 217–226, 232–240, 271 [Biblioteka Genealogiczna, t. 6]; Idem, *Genealogia Mściławowiczów. Pierwsze pokolenia (do początku XIV wieku)*, Kraków 2008, s. 192–207, 334–337, 389–399, 616–621, 656–669, 677–686 i in.

⁸ Л. Войтович, *Княжа доба на Русі: портрети еліти*, Біла Церква 2006, с. 272–273, 277, 350, 354, 357, 411, 420, 464, 469, 496, 501, 503, 506–507 и др.

⁹ J. Tęgowski, *Kontakty rodzinne dynastów polskich i ruskich w średniowieczu*, [in:] *Między sobą. Szkice historyczne polsko-ukraińskie*, pod red. T. Chynczewskiej-Hennel i N. Jakowenko, Lublin 2000, s. 7–36.

¹⁰ Справедливости ради следует отметить, что практически каждый польско-русский брак довольно неплохо исследован в историографии, однако без учета приближенных к супружеской паре членов иностранной курии.

славой в 1018 г., и брак Казимира I Восстановителя (*Casimirus*, †1058) со второй дочерью Владимира (либо дочерью Ярослава Владимировича) Добронегой-Марией (†1042), а также женитьбу сына Болеслава II Смелого (*Boleslaus*, †1079), Мешка II (*Mestko*, †1089) с дочерью Изяслава Ярославовича (†1078) Евдокией в 1088 г.

В XII в. количество браков существенно увеличилось. Так, в 1103 г. дочь Святополка Изяславовича (1093–1113) Збыславу взял в жены Болеслав III Кривоустый (*Boleslaus*, †1038). После 1136 г. замуж за мазовецкого князя Болеслава IV Кудрявого (*Boleslaus*, †1146) вышла дочь вышгородского и псковского правителя Всеволода-Гавриила Мстиславовича (†1138) Верхуслава. в 1142 г. на дочери Всеволода Ольговича (†1146) женился силезский князь Болеслав Высокий (*Boleslaus*, †1201). Между 1158–1159 гг. замуж за познаньского князя Мешка III Старого (*Mestko*, †1202) вышла дочь Юрия Владимировича Долгорукого (†1157) или Изяслава Мстиславовича (†1154) Евдокия, а дочь галицкого князя Ярослава Осмомысла (†1187) Вышеславу взял в жены сын Мешка Одон (*Odon*, †1194).

Большое количество польско-русских браков насчитываем и в XIII в. Между 1207–1210 гг. мазовецкий князь Конрад (*Conradus*, †1247) женился с дочерью галицкого правителя Святослава Игоревича Агафьей. Краковский князь Лешек Белый (*Lesthko Albus*, †1227) дважды был женат на русских княжнах, среди которых наиболее известна дочь князя Ярослава Владимировича († между 1205–1209) Гримислава (брак, имверно, между 1208–1211). Возможно, первой женой польского правителя была дочь луцкого князя Ингваря Ярославовича († ок. 1220), которая тоже могла носить имя Гримислава; брак с ней распался *terminus ante quem* 1207/1208 г. Между 1244–1245 гг. старший сын мазовецкого князя Конрада Болеслав (*Boleslaus*, †1248) женился на дочери белзкого правителя Александра Всеволодовича (†1234), Анастасье. В 1248 г. за его второго сына Земовита (*Semovitus*, †1262) возможно была выдана замуж дочь будущего короля Руси Даниила Романовича (†1264), Переяслава. В 1265 г. замуж за краковского правителя Лешка Черного (*Lestko Niger*, †1288) выдали дочь держателя Славонии и Мачвы Ростислава Михайловича († *terminus post quem* 1264), Агриппину (Грифину, †1305/09). Вероятно, дочь Льва Даниловича (†1301) была жена сына Володислава Опольского (†1281/82), бытомского князя Казимира (*Casimirus*, †1310) – Елена († ок. 1278). Ее сестра Анастасия между 1296–1300 гг. вышла замуж на добжинского князя Земовита (*Semovitus*, †1312). Возможно, Анастасия была дочерью Мстислава Даниловича (†1289/1308)¹¹.

Приведенный список выданных замуж в Польшу персон далеко не полный. При этом мы сознательно не упоминали польских жен, взятых русскими князьями, поскольку это не является предметом исследования данной работы. Требуют дальнейшего научного изучения и некоторые дискуссионные матримониальные

¹¹ Некоторые из указанных браков дискуссионные, но не считаем нужным углубляться в полемику, поскольку это не является предметом исследования данной работы.

связи XI–XIII вв.¹². В любом случае, активность брачных уз Рюриковичей с Пястами в несколько раз превышала интенсивность династических связей русских князей с венгерскими правителями.

При дворе молодой русской жены польских правителей обязательно должны были находиться сопровождающие ее за границу слуги, священник, возможно подруги и др. Об этих людях, служивших своей госпоже нередко до самой смерти, мы зачастую можем только догадываться, поскольку их присутствие в источниках практически не отображено. Наибольшее количество свидетельств о придворной жизни княгинь имеем на примерах Збыславы, Добронегии-Марии, а также Гримиславы, удостоившейся даже отдельного монографического исследования¹³. При их дворах, однако, мы не встречаем людей с характерными предикатами – *Ruthenus*, *Rutenus* и др. Но это не означает, что их там не было. Вероятно, они упоминались под другими идентификациями, требующими дополнительной кропотливой работы, сопоставления источников и др.

Трудно ведь даже предположить, что русские княгини могли отправляться за рубеж без свиты, или хотя бы без личного духовника, длительное время пребывавшего при них, исповедовавшего, причащавшего невесту и т. д. Из *Хроники* Титмара Мерзбургского, например, известно о пребывании в окружении дочери Болеслава Храброго, отправленной на Русь невесты князя Святополка Владимировича, католического епископа Рейнберна, заключенного потом вместе с ней под стражу по приказу киевского князя Владимира. Этот брак, по всей видимости, состоялся до 1013 г.¹⁴, зародив целую серию обоюдных матримониальных союзов со своими характерными особенностями.

Возможно, ответ на этот вопрос сокрыт в отсутствии этнической либо даже политической идентификации представителей двора русских жен. Например, сложно однозначно сказать, кем по происхождению были близкий к вдове Лешка Белого Гримиславе санецкий кастелян Держикрай или поланецкие кастеляны Мирослав и Добеш. Их имена одинаково характерны для польской, венгерской и русской знати.

Браки являлись составляющей интересов не только польских князей, но и представителей знати. Например, русскую княжну Марию (дочь тмутараканского и черниговского князя Олега Святославовича, †1115), взял в жены одиозный Петр Влостович, известный по польско-русским отношениям первой половины XII в. Хотя Петр не был обделен вниманием самых разных по жанру и времени возникновения источников, его этничность до последнего момента остается

¹² См. например: O. Balzer, *Genealogia Piastów*, s. 119–120, 479; T. Wasilewski, *Helena księżniczka znojemska, żona Kazimierza II Sprawiedliwego. Przyczynek do dziejów polsko-czeskich w XII–XIII w.*, „Przegląd historyczny”, 69, 1978, s. 115–120; K. Jasiński, *Rodowód pierwszych Piastów*, s. 266–267 и др.

¹³ W. Zabłocki, *Grzymysława Ingwarówna, księżna krakowsko-sandomierska*, Kraków 2012.

¹⁴ *Kronika Thietmara*, tłum. z tekstu łacińskiego, wstęp i przypisy M. Z. Jedlicki, posłowie K. Ożóg, Kraków 2005, s. 214, 401; См. также: М. Свердлов, *Известия о Руси в хронике Титмара Мерзбургского*, [in:] *Древнейшие государства на территории СССР. Материалы и исследования*. 1975 г. Москва 1976, с. 109–110; Н. Шавелева, *Польки – жены русских князей (XI – середина XIII в.)*, [in:] *Древнейшие государства на территории СССР. Материалы и исследования*. 1987 год, ред. А. П. Новосельцева, Москва 1989, с. 51 и др.

одним из наиболее загадочных вопросов¹⁵. По словам Генриха Ловмянского, „[...] если в Петре текла капля иностранной крови, то это была кровь нормандская, смешанная с русской”¹⁶. В целом, количество работ о палатине Петре, наверное, наибольшее в сравнении с какими-либо другими знатными поляками¹⁷.

Не исключена какая-то связь русских поселенцев с польскими родами Авданцев, Грифитов, Одровонжев, Лисов, неоднократно участвовавших в различных событиях на Руси.

Например, дом Грифитов возможно был скандинавского происхождения¹⁸. Согласно *Хронике комеса Петра*, представители рода пребывали в родственных связях с палатином Петром Влостовичем. Его родственниками названо вроцлавского епископа, а позже архиепископа Гнезно Яна и силезского комеса Микору¹⁹. Историками доведена их принадлежность к Грифитам и кровное родство с Лабендзями²⁰. К роду принадлежал вельможа из окружения вдовы Лешка Белого Гримиславы – Клеменс из Руци, поддерживавший Болеслава Стыдливого (*Boleslaus*, †1279) в борьбе с мазовецким князем Конрадом за краковский престол в 1243 г.²¹ На стороне последнего, вероятно, периодически находились отряды волинских Романовичей²². Не понятными до конца остаются также связи комеса Клеменса с родом боярина Судислава, поддерживавшим самые тесные контакты с венгерскими Арпадами на протяжении первой трети XIII в.²³

В частности род Авданцев, детально исследованный Владиславом Семковичем, Терезой Кьерсновской и др., вероятно, мог происходить от члена

¹⁵ См. например: M. Cetwiński, *Piotr Włostowicz, czy Pior Rusin?* „Śląski kwartalnik historyczny. Sobotka”, 29, 1974, 4, s. 429–443; J. Bieniak, *Polska elita polityczna XII wieku (część III A. Arbitrzy książąt – krąg rodzinny Piotra Włostowicza)*, [in:] *Spółczesność Polski średniowiecznej. Zbiór studiów*, t. 4, red. S. Kuczyński, Warszawa 1990, s. 13–107; Idem, *Polska elita polityczna XII wieku (część III. B. Arbitrzy książąt – trudne początki)*, [in:] *Spółczesność Polski średniowiecznej. Zbiór studiów*, t. 7, red. S. Kuczyński, Warszawa 1996, s. 11–44; T. Kiersnowska, *Jeszcze o Piotrze Włostowiczu i pochodzeniu rodu Łabędziów*, [in:] *Spółczesność Polski średniowiecznej. Zbiór studiów*, t. 9, red. S. Kuczyński, Warszawa 2001, s. 55–64.

¹⁶ H. Lowmianski, *Początki Polski*, t. 4, Warszawa 1985, s. 270.

¹⁷ M. Plezia, *Palatyn Piotr Włostowicz. Sylwetka z dziejów Śląska w XII wieku*, Warszawa 1947; S. Bieniek, *Piotr Włostowicz. Postać z dziejów średniowiecznego Śląska*, Wrocław-Warszawa-Kraków 1965; T. Wasilewski, *Kim był komes palatinus Petrus*, [in:] *z dziejów regionu konińskiego*, pod red. M. Dembińskiego, Wrocław-Warszawa-Kraków 1970, s. 169–183; J. Bieniak, *Ród Łabędziów*, [in:] *Genealogia. Studia nad wspólnotami klucznymi i terytorialnymi w Polsce średniowiecznej na tle porównawczym*, pod red. J. Hertla i J. Wroniszewskiego, Toruń 1987, s. 9–31; H. Monikowska, *Princeps fundator w przedlokacyjnym Wrocławiu. Od Piotra Włostowicza do Henryka Brodatego*, [in:] *Fundacje i fundatorzy w średniowieczu i epoce nowożytnej*, pod red. E. Opalińskiego i T. Wislicza, Warszawa 2000, s. 37–57; J. Wenta, *Tradycja o Piotrze. Na marginesie jednej z wielkich dyskusji*, [in:] *Scriptura custos memoriae. Prace historyczne*, por red. D. Zyrodek, Poznań 2001, s. 523–538.

¹⁸ M. Wójcik, *Ród Gryfitów do końca XIII wieku. Pochodzenie – genealogia – rozsiadlenie*, Wrocław 1993, s. 11.

¹⁹ *Cronica Petri comitis Poloniae accedunt carminis Mawri fragmenta*, ed. M. Plezia, [in:] *Monumenta Poloniae historica. Series nova* [далее: MPH. SN], vol. 3, Kraków 1951, p. 22.

²⁰ M. Wójcik, *Ród Gryfitów*, s. 20–21.

²¹ *Kodeks dyplomatyczny Małopolski*, t. 2, ed. F. Pickosiński, t. 2, s. 85–86.

²² G. Labuda, *Zaginiona kronika z pierwszej połowy XIII wieku w rocznikach Królestwa Polskiego Jana Długosza. Próba rekonstrukcji*, Poznań 1983, s. 144; M. Bartnicki, *Polityka zagraniczna księcia Daniela halickiego w latach 1217–1264*, Lublin 2005, s. 79; W. Nagirnyj, *Polityka zagraniczna księstw ziem halickiej i wołyńskiej w latach 1198 (1199)–1264*, Kraków 2011, s. 153–154. Вероятность участия князей Даниила и Василька в битве под Суходолом 25 мая 1243 г. неоднозначна. За *Анналами Краковской капитулы* и Яном Дулошом, Д. Домбровский предположил, что в конфликте мазовецкого правителя могли поддержать его сын Казимир, опольский князь Мешко и великопольский князь (см.: D. Dąbrowski, *Stosunki polityczne między królem Węgier Bela IV, niektórymi książętami polskimi i Romano-wiczami w latach 1242–1250 (ze szczególnym uwzględnieniem kwestii matrymonialnych)* [in:] *Україно-угорські етюдії*, вип. 1, відп. ред. А. Войтович, Львів 2010, с. 170).

²³ Об этом эпизоде см.: М. Волошук, „Русь” в Угорському королівстві, с. 337–338.

варяжской или русской дружины, появившегося в Польше во времена Болеслава I²⁴. Об этом свидетельствует как именованное представителей семейства XI–XIII вв., так и некоторые археологические находки в селе Лютомерске (теперь одноименный населенный пункт Лодзьского воеводства, Польша)²⁵. Очевидно, польский князь пригласил к себе на службу кого-то из приближенных своего зятя Святополка Владимировича. Сын киевского князя неоднократно обращался к тестю за помощью в борьбе против своего брата Ярослава на протяжении 1015–1018 гг. Потерпев поражение, Святополк вместе с дружиной сбежал за границу, где умер при загадочных обстоятельствах: „[...] и пробъже Ладъскую землю гонимъ гнѣвомъ Бѣимъ . и пробъже пустыню межи Чахы и Лахы . и ту испровѣрже животь свои зль”²⁶. Что случилось с его приближенными – летопись не сообщает.

В XII в. Авданцы были тесно связаны с другими родами, поддерживающими связи на Руси. В частности, не подлежащими сомнению можно считать их контакты с Лабендзями и лично с Петром Влостовичем²⁷. Земли рода находились на границе с Галицкой землей, например, в Сандомирском воеводстве²⁸. В начале XIII в. представитель рода Пакослав Старый являлся одним из инициаторов польско-венгерского Спишского договора (сентябрь 1214 г.), разделившего сферы влияния Арпадов и краковско-сандомирских Пястов во владениях Романовичей с последующей коронацией Коломана и Саломеи в 1215 г.²⁹

С русскими землями тесно были связаны польские Одровонжи³⁰. В частности, по словам Наталии Щавелевой, „вдохновителем русской политики Лешка Белого” оставался его канцлер Ивон Одровонж³¹. Его родной брат Яцек входил в состав первой доминиканской миссии, пребывавшей в Киеве на протяжении 1225–1233 гг. „Нет сомнений, что Гримислава [вдова покойного Лешка – М. В.] могла оказывать свои действия с доминиканцами, стремящимися на Русь”, – подытожила Н. Щавелева³². Вероятно, с русским нобилитетом поддерживались не только политические, но и религиозные связи. Тесное сотрудничество могло объясняться также семейными узами рода, в первую очередь связями с могущественным польским родом Лисов³³.

²⁴ Т. Kiersnowska, *O pochodzeniu rodu Awdańców*, [in:] *Spółczesność Polski średniowiecznej. Zbiór studiów*, т. 5, ред. S. Kuczyński, 1992, s. 57–72 и др.

²⁵ См. например: A. Nadolski, A. Abramowicz, T. Poklewski, *Cmentarzysko z XI wieku w Lutomierniu pod Łodzią*, Łódź 1959.

²⁶ *Ипатьевская летопись*, [in:] *Полное Собрание Русских Летописей*, т. 2, изд. 2, с пред. Б. М. Клосса, Москва 2001, стб. 132.

²⁷ Т. Kiersnowska, *o pochodzeniu rodu Awdańców*, s. 68.

²⁸ М. Bartnicki, *Elita księstwa krakowsko-sandomierskiego wobec stosunków z księstwami ruskimi w XIII wieku*, „Соціум. Альманах соціальної історії”, 7, 2007, с. 15.

²⁹ *Ипатьевская летопись*, стб. 731.

³⁰ См. одну из последних работ о русской миссии св. Яцека Одровонжа: E. Polańska, *Św. Jacek i dominikanie w Kijowie – między prawdą historyczną i legendą*, [in:] *Rusь średniowieczna a sąsiedzi (IX – połowa XIII wieku). Materiały międzynarodowej konferencji naukowej, Kraków 24–26 listopada 2010*, pod red. V. Nagirnego, Kraków 2011, s. 43–48 [*Colloquia Russica*, т. 1].

³¹ Н. Щавелева, *Киевская миссия польских доминиканцев*, [in:] *Древнейшие государства на территории СССР. Материалы и исследования*. 1982, Москва 1984, с. 147.

³² *Ibidem*, с. 149.

³³ См. например: V. Sliwiński, *Mikołaj Mściwujowic. Przyczynek do badań nad rodem Lisów*, „Rocznik Gdański”, 39, 1979, 1, s. 79–80.

Более активное переселение представителей русской знати в Польшу датируется XIV в., когда привилегии Казимира III (*Casimirus*, 1333–1370) позволили таким родам, как Корчак (Иван со своими сыновьями Петром, Ходком и Ошашем, а также сыновья Петра – Дмитрий из Горая и Иван), сделать при дворе короля и его наследника (Людовика из династии Анжу, *Lodovicus*, 1342–1382) стремительную карьеру, получить земли и даже принять католичество³⁴.

Довольно дискуссионными выглядят известия нескольких редакций *Каталогов краковских епископов* о Прокопе Русском (*Procopius, hinc ortus de Russia*), занимавшем епископский престол на протяжении 1293–1295 гг.³⁵ Карьера архиерея, на наш взгляд, тесно связана с семьей черниговского и галицкого князя Ростислава Михайловича, получившего от короля Белы IV (*Bela*, 1235–1270), после женитьбы с принцессой Анной, земли Мачвы. Одна из его дочерей, Грифина (Агриппина) вышла замуж за краковского князя Лешка Черного. Собственно, в ее окружении, вероятнее всего, находился Прокоп. Впервые он упоминается в источниках среди канцеляристов польских князей Болеслава, Лешка Чёрного и Вацлава II (*Wenceslaus*, 1288–1305), а в скором времени получил епископскую кафедру³⁶.

Ученые неоднократно сомневались в известиях *Каталогов* (Тадеуш Василевский, Дариуш Домбровский и др.), особенно в этническом происхождении епископа. в частности, Т. Василевский высказывал мнение о принадлежности Прокопа к семье краковской княгини, чешки по происхождению, Елены – жены Казимира II Справедливого (*Casimirus*, 1177–1194)³⁷. Такой вывод он аргументировал популярностью в Чехии имени святого Прокопия и его отсутствием на Руси. Позицию польского историка поддержали Д. Домбровский и Яцек Мациевский³⁸. Тем не менее, фундаментальная работа Анны Литвиной и Федора Успенского об именовании русских княжеских династий опровергает предположение польских историков. Имя Прокоп было известным и использовалось на Руси³⁹. Но все же биография краковского архиерея остается на маргине исторических студий ибо, по словам Кшиштофа Прокопа, детально изучившего всех средневековых епископов польской столицы, „[...] как имена, так и общественный статус родителей этого иерарха остаются для нас загадкой”⁴⁰.

Интересно, ведь „венгерские аналогии”, касающиеся русских поселенцев,

³⁴ См. последнюю комплексную работу о Дмитрие из Горая: К. Myśliński, *Dzieje kariery politycznej w średniowiecznej Polsce. Dymitr z Goraja (1340–1400)*, Lublin 1981, s. 54–60, 66–74 i in.

³⁵ См. упоминание о краковском епископе Прокопе Русском в разных редакциях каталогов: *Catalogi episcoporum Cracoviensium*, ed. J. Szymański, [in:] *MPH.SN*, vol. 10, fasc. 2, Warszawa 1974, s. 33, 65, 100, 114, 182–183, 288, 298.

³⁶ См. например: *Dokumenty polskie z archiwów dawnego Królestwa Węgier*, t. 1: (do 1450 r.), wyd. i oprac. S. A. Sroka, Kraków 1998, s. 2–3.

³⁷ Т. Wasilewski, *Helena księżniczka Znojemska*, s. 119.

³⁸ D. Dąbrowski, *Rodowód Romanowiczów*, s. 270; Idem, *Genealogia Mściślawowiczów*, s. 691; J. Maciejewski, *Episcopat polski doby dzielnicowej 1180–1320*, Kraków 2003, s. 235.

³⁹ А. Литвина, Ф. Успенский, *Выбор имени у русских князей в X–XVI вв. Династическая история сквозь призму антропонимики*, Москва 2006, с. 602, 622.

⁴⁰ К. R. Prokop, *Poczet biskupów krakowskich*, Kraków 1999, s. 68.

допускают возможность католического душпастырского служения русским. Например, в дипломе препозита Лелеского монастыря Стефана от 28 ноября 1325 г. упоминается о задержке оплаты штрафа сыном Фомы, магистром Володиславом двум персонам, в частности – священнику Павлу Русскому (очевидно, прозванному Носатым)⁴¹.

Неоднократно русско-польская брачная политика актуализировалась после военных конфликтов. Поэтому заключение обоюдных браков сопровождалось освобождением пленных с той или другой стороны. Нам известно множество примеров, зафиксированных различными источниками. Речь идет о летописном предании, польских хрониках и анналах, довольно детально представляющих эту деликатную тему. Попробуем проанализировать статистику путем изучения летописных данных.

В частности, согласно *Киевской летописи*, 800 плененных русских было отпущено на свободу после заключения около 1039/41 г. брака Казимира и Добронегии-Марии Владимировны. В источнике читаем: „[...] вѣдасть Ирѡславъ [Владимирович – М. В.] сестру свою . за Казимира . и вѣдасть Казимиръ . за вѣно людий и . со^ѣ . еже бѣ полонилъ . Болеславъ [Храбрый – М. В.] побѣдивъ Ирѡслава”⁴². Группа пленных находилась в Польше с 1018 г., их судьбы неизвестны, но вероятно, что польский правитель мог посадить их на землю, как это неоднократно делали киевские князья с польскими пленными. Например, под 1031 г. известно, что „Ирѡславъ и Мѣстиславъ [Владимирович – М. В.] . собрата воѡ многы . и идоста на Лахы . и заѡста градъ Червеньскыѡ вѡпять . и повоевоста Ладъскую землю . и многы Лахы приведоста . и раздѣлиста ѡ . и посади Ирѡславъ своѡ по Рси . и суть и до сего днѣ”⁴³. Совершенно ясно, что поселенцы могли обзаводиться семьями и при желании остаться на постоянное жительство.

Нечто подобное зафиксировано под 1213 г., когда в результате „вокняжения” в Галиче боярина Володислава Кормильчича в границы Галицкой земли вторглись войска краковского князя. Однако „[...] Лестько не можаше приати Галича . но шедъ воева школо Теробова . и школо Мокласкова . и Збъража . и Бьковень взать бѣ^ѣ Лахи и Роусью и взѡ плѣнъ великъ и вороти^ѣса”⁴⁴. Такого рода обоюдные приграничные конфликты с численным пленением в конечном итоге привели к заключению договора в 1229 г.: „[...] створиша же межи собою клатвою Роусь и Лахове . аще по семь коли боудеть . межи ими . оусобица не воевати Лахомъ Роуское челади ни Роуси Ладъской”⁴⁵.

Понятно, что договоренности, как правило, соблюдались недолго. Известно, что в 1282 г. „[...] вспоману Володимѣръ [Василькович – М. В.] . шже преже того Лестко . пославъ Люблинѣцъ взаль башеть оу него . село на Вѡкраиници именемъ

⁴¹ *Anjou-kori oklevéltár*, t. 9, szer. L. Géczi, Budapest–Szeged 1997, old. 289 (1325).

⁴² *Ипатьевская летопись*, стб. 142–143.

⁴³ *Ibidem*, стб. 137.

⁴⁴ *Ibidem*, стб. 730.

⁴⁵ *Ibidem*, стб. 757.

Воинь . и напоминаса емоу Володимиръ . ш томъ много абы емоу воротиль челадь . шнъ же не вороти емоу челади его . за се же посла на нь Литвою и воеваша школо Люблина и поимаша челади множество . и шполонившеса и тако поидоша назадъ с чѣтью⁴⁶.

Длительное проживание пленных, расселенных в границах разных земель Польши, сопровождалось появлением русской топонимии, известной также из более поздних письменных источников. Русская номенклатура могла появляться и в случае расселения здесь представителей русской земской знати в качестве свободных поселенцев, как это было, например, в Венгрии. Нельзя, впрочем, утверждать, что плененные русские воины всегда оставались на постоянное жительство. Приведенные отрывки источников подтверждают возвращение их домой. Но мы допускаем, что случаи невозвращения также были.

Таким образом, с уверенностью можно констатировать обоюдные тесные русско-польские миграционные процессы, постоянную смену места пребывания, службы, жительства. Причинами подобного были самые разные события двусторонних отношений, в первую очередь – матримониальные связи. В результате заключения полтора десятка зафиксированных и хорошо изученных браков русских княжон с польскими правителями на протяжении XI–XIII вв., можно предположить переезд в Польшу их свиты, например священнослужителей. Традицию княжеских бракосочетаний, безусловно, поддерживали польские вельможи, вероятно, сами происходившие от смешанных русско-скандинавских или русско-польских браков. Настолько тесное сотрудничество позволяло активно взаимодействовать в самых разных сферах – политической, хозяйственной, культурной и др.

Отдельной страницей обоюдных контактов считаем религиозную. Пример краковского епископа Прокопа, названного в источниках Русским, является наиболее характерным, но требующим более тщательного исследования. Вероятность заселения польских земель представителями средней и мелкой знати допускается, как минимум, при условии взятия их в плен и расселения на новых территориях, нуждающихся в улучшении как демографической, так и хозяйственной ситуации.

*

Myroslav Voloshchuk, *Rutheni in Polonia 11th–13th c.: the brief essays of the problem*

The present study is devoted to the search of the information about the Russian settlers on the territory of medieval Poland. The author lists several ways in which it is possible to find the facts of the residence change. Among the most common we can name the marriages between Pyasts and Rurikovichs, between the nobles of the two countries. There are also cases of the people from Rus church service in the Polish Catholic hierarchy. There were many Russian prisoners compactly settled in Poland.

⁴⁶ Ibidem, стрб. 889–890.

In general, the work outlines the major research problems in this direction and in the study of the phenomenon of „the history of Rus’ beyond the borders of Rus’”.

*

Myroslav Voloshchuk, *Rutheni in Polonia w okresie od XI do XIII w.: krótki zarys problemu*

Niniejszy artykuł jest poświęcony problemowi poszukiwania wzmianek o ruskich osiedleńcach na terytorium średniowiecznej Polski. Autor wyróżnił kilka wskazówek, na podstawie których można potwierdzić fakt zmiany miejsca zamieszkania. Do najpowszechniejszych należą przykłady zawarcia związków małżeńskich pomiędzy Piastami a Rurykowiczami, oraz między przedstawicielami elity obu krajów. Znane są także przypadki służby wychodźców z Rusi w polskiej, katolickiej hierarchii kościelnej. w Polsce znajdowało się również sporo jeńców, osiedlanych w zwartych grupach. Artykuł omawia główne problemy badawcze tego zagadnienia, wpisujące się w szersze zjawisko badania „historii Rusi poza Rusią”.